

Идеология религиозного экстремизма как угроза безопасности личности

В. И. Завальнев

Московский государственный областной университет (МГОУ)

Дается подробная характеристика современного религиозного экстремизма. Подчеркивается, что стержнем религиозного экстремизма является отрицающая всякое инакомыслие идеология. Она базируется на мистификации, абсолютизации религиозных догм, жестком информационном контроле верующих, стремлении к достижению фанатичной преданности приверженцев идеологии догмам и их носителям. Основной акцент в характеристике идеологии религиозного экстремизма автор делает на анализ радикального исламского фундаментализма. Он идейно ориентирован на достижение социальной справедливости, фактически нередко отрицая базовые нормы человеческого общежития, права и морали, являясь фактором разгерметизации сферы безопасности личности.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; религиозный догматизм; исламский фундаментализм; идеология; фанатизм; безопасность личности.

Чтобы понять, как экстремизм в религиозной сфере воздействует на сферу безопасности личности, необходимо разобраться в терминологии, применяемой в социально-гуманитарных исследованиях для обозначения сущности понятий, связанных с религией. В отечественной научной мысли понятие «религиозный экстремизм» рефлексировалось относительно давно: ему посвящены диссертационные и монографические исследования, научные статьи видных представителей социальных наук [1; 2; 3]. На основе анализа различных определений религиозного экстремизма, сформулированных их авторами, мы пришли к выводу, что, в наиболее общем понимании, религиозный экстремизм следует рассматривать как приверженность крайним воззрениям, взглядам, действиям, направленным на радикальное изменение существующих в обществе порядков и их переустройство в соответствии с религиозными канонами.

Стержнем религиозного экстремизма является религиозная идеология, отрицающая инакомыслие по отношению к проповедуемым догмам. В отдельных исследованиях проблем религиозного экстремизма указывается, что его идеология основывается на догмах, которые при их системном внушении, как правило, приводят к деформациям сознания личности, что резко снижает порог ее личностной способности к сопротивлению манипулирующим воздействиям. Среди них наиболее важными являются:

- жесткий информационный контроль внутренней и внешней среды общения верующих, потенциально готовых к вовлечению в экстремистские организации;
- мистификация заранее спланированных, якобы спонтанных акций и событий, трактуемая в необходимом для манипуляторов свете;
- четкое отделение «истинной» веры от «неверной» и непримиримая борьба с «неверными»;

— использование исповеди для поддержания у верующих постоянного чувства вины, нивелирующей человека как свободную личность;

— абсолютизация религиозных догм, их использование в общении верующих для выхолащивания способности к собственному критическому мышлению и др.

Эти положения, интериоризированные незрелым сознанием верующих, обретают статус не только правомерности, но и абсолютной необходимости следования им. Как и многие идеологические конструкты, через своих носителей идеология религиозного экстремизма апеллирует не столько к разуму, сколько к чувствам и предрассудкам людей, что делает ее инструментом психологического воздействия на человека, орудием манипуляции сознанием. Психологическое воздействие на чувственную сторону психики подавляет волю внушаемого, формирует рабские стереотипы поведения, основанные на беспрекословном, слепом повиновении неопита (нового приверженца религии ислама) носителю идеи, исполнении любых, в том числе самых жестоких и бесчеловечных, указаний. Такая идеология формирует особый психотип приверженцев религиозного экстремизма, которым свойственно поведение, основанное на эмоциональном самовозбуждении, утрате когнитивного контроля над собственным поведением и готовности к любым действиям, в том числе противоправным и асоциальным.

Идеология религиозного экстремизма является инструментом формирования такой степени приверженности догмам, которая может характеризоваться как религиозный фанатизм. Благоприятными факторами для такой крайней степени увлеченности идеями фундаментализма являются социальные и идеологические кризисы в обществе. Так, прочность границ идентичности

(этнической, клановой, родовой, корпоративной и др.) и социальная стабильность защищают личность от манипуляции сознанием. Ослабление этих границ личности часто делает ее жертвой манипуляции со стороны фундаменталистов.

Сегодня идеология религиозного экстремизма свое наибольшее развитие получила в доктринальных положениях и политической практике радикального исламского фундаментализма, обращенного к опыту раннего ислама времен пророка Мухаммеда; опыту, отрицающему инновации и стремящемуся реанимировать традиционные раннеисламские социальные институты и функционирующие внутри них социальные и правовые нормы.

Пропагандирующие исламский фундаментализм и борющиеся (в том числе с оружием в руках) за его торжество в глобальном масштабе экстремисты и их сторонники прекрасно понимают, что идеология — инструмент овладения сознанием людей. Этот инструмент используется настолько широко и эффективно, что сфера влияния фундаменталистских идей расширяется во всем мире. Так, генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что «сфера влияния ИГИЛ за последние полтора года быстро расширилась в Африке, Азии и на Ближнем Востоке» [4]: 34 группировки в разных частях света присягнули на верность террористической сети «Исламское государство». Генсек ООН также назвал ИГИЛ (ДАИШ) самой богатой террористической организацией в мире: «В 2015 году ее доход от продажи нефти составил от 400 до 500 млн долларов» [4].

В качестве инструмента вовлечения людей в ряды сторонников религиозного экстремизма фундаменталисты чаще всего применяют доктрину «обвинения в неверии и отхода от мира» Сайида аль-Кутбы, бывшего лидера

экстремистского крыла организации «Братья-мусульмане»¹. Положения этой доктрины сводятся к тому, что утверждению шариата в мире мешает господство в нем «джахилийи» — духовного невежества, многобожия, препятствующего познанию истинного Бога и истинной веры. Заблудшие в своем невежестве мусульмане и немусульмане — «неверные», которых нужно обращать в истинную веру или уничтожать.

Для достижения этой цели радикалы-фундаменталисты используют широкий арсенал приемов. Так, с помощью средств массовой пропаганды они активно и целенаправленно обостряют и акцентируют идейные и социальные противоречия внутри нестабильных обществ, тем самым указывая на огромную разницу между идеалами шариата и реальной жизнью.

Не менее эффективно фундаменталистской пропагандой применяются традиционные методы идеологической агитации, имеющие целью воздействовать прежде всего на политические компоненты сознания людей:

— распространение экстремистской литературы в бумажном и электронном виде;

— создание специальных благотворительных организаций, проводящих в жизнь под видом благотворительности экстремистские идеи, закамуфлированные под религиозные нормы;

— организация специальных «обучающих правильной жизни» курсов;

— частичное решение социальных вопросов, демонстрирующих воплощение в жизнь основополагающего принципа ислама — социальной справедливости — и другие.

Результатом политической агитации и пропаганды становится изменение политических мировоззренческих позиций и установок части людей, «осознание» ими несправедливости существующих порядков и, как следствие, обострение политических, религиозных, межнациональных и этнических противоречий. Экстремисты-неофиты проявляют повышенную готовность к действиям для их устранения, к вступлению в религиозные по форме, но экстремистские по сути организации, движения. Специалисты отмечают, что в сознании неоэкстремистов трансформируется представление о собственной безопасности: человек начинает полагать, что, вооруженный новыми идеями, он сможет себя защищать, в то время как экстремистские идеи и религиозные постулаты делают его марионеткой в чужих руках.

Подобные метаморфозы сознания людей объяснимы и с позиций социокультурного анализа. В определенном смысле желание вернуться к временам «былого благополучия», консервация социокультурной идентичности радикальными средствами является своего рода ответом некоторых маргинальных арабских культур на «цивилизационный вызов» Запада. Как справедливо отмечает сотрудник Института востоковедения РАН И. Л. Алексеев, в арабском мире в целом мы наблюдаем эффект «перевернутой пирамиды», когда «...реакция традиционно-исламского

¹ «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун») — международная религиозно-политическая ассоциация, основанная в марте 1928 г. в Египте учителем Хасаном Аль-Банна. Ее основная цель — устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Великого исламского халифата» вначале в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и СНГ, затем во всемирном масштабе. В 1954 г., после неудачного покушения на президента страны Г. А. Насера, ассоциацию запретили. Тем не менее она была в течение полутора лет (декабрь 2011 — июль 2013) правящей партией во главе с избранным от нее президентом Мухаммедом Мурси. В Египте, Сирии, Саудовской Аравии, России объявлена вне закона как террористическая организация.

общества, основанная на исторических и социокультурных моделях, занимавшая периферийное место в системе исламской цивилизации» [5, с. 425], перемещается в ее центр.

Идеи радикального исламского фундаментализма, распространяющиеся в арабском мире, на Западе маскируются под близкие левым идеи социальной справедливости, набирают популярность во многих странах мира, особенно в среде молодежи. Известные благодаря современным средствам массовой информации и коммуникации и — надо признать — далеко не единичные случаи вербовки молодых россиян для борьбы за эту «социальную справедливость» под знаменами ислама в Сирии, Ираке, Ливии и в других странах — следствие и подтверждение этой тенденции. Трагедия Александры Ивановой (Варвары Карауловой), студентки второго курса философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, увлекшейся изучением ислама и арабского языка, — лишь один из типичных результатов профессиональной работы в социальных сетях вербовщиков ДАИШ (ИГИЛ).

По словам секретаря Совета безопасности России Н. Патрушева, анализ информации о ситуации на Ближнем Востоке говорит о возникновении все новых очагов активности террористов, ведущих не только вербовку, но и переправку не-официтов в горячие точки Арабского Востока [6]. Эта проблема уже приобрела глобальный масштаб. Так, по данным спецслужб США, ежемесячно число сторонников ИГИЛ увеличивается как минимум на тысячу человек. По официальным данным ФСБ РФ, приведенным Президентом РФ В. В. Путиным, к осени 2015 г. россиян и граждан других стран СНГ, воюющих с оружием в руках на стороне террористической организации ИГИЛ, было от 5 до 7 тыс. человек [7].

Универсальным средством поражения массового сознания молодежи идеями фундаментализма на Западе и Востоке являются социальные сети (YouTube, Facebook, Twitter, Instagram, Friendica). Фундаменталисты широко применяют и пропагандистский инструментарий современных СМИ: кино, видео, традиционной бумажной пропагандистской продукции. Она переводится на арабский, английский, французский, немецкий, русский, украинский и многие другие языки и распространяется во многих странах мира. В арсенале пропагандистов есть красочный англоязычный журнал *Dabiq*, краткие справочники, бюллетени, отчеты и т. д., содержание которых направлено на деформацию сознания людей, прежде всего молодежи.

По отношению к арабскому населению территории, занятой ИГИЛ, пропагандисты действуют осторожно, но изощренно. Религиозные догмы салафизма (очищение ислама от всех вероучительных и культовых наслоений) и ваххабизма (составная часть салафизма) не навязывается, а «прививается» к дереву традиционного суннитского ислама (следование сунне — своду правил во всех жизненных ситуациях), в итоге укорея в традиционной религии более жесткие требования фундаменталистских догм².

² Связь ИГИЛ с арабским национализмом проявляется в том, что, несмотря на то, что курды в основном сунниты, боевики ИГИЛ, действуя в союзе с арабскими суфистами, безжалостно истребляют курдских суфистов, а также христиан и иудеев. Ислам запрещает это, и обычно подобное словесно осуждается даже радикальными салафитами. Создавая из своих женщин ударные боевые части, ИГИЛ официально восстановило рабство для женщин — иноверцев и своих противников и торговлю рабынями. На подконтрольных территориях боевики ИГИЛ проводят «идеологическую подготовку» уже в раннем возрасте, устраивая тренировки на пленных, где дети учатся убивать.

При анализе особенностей проявления религиозного экстремизма в России, оказывающего непосредственное влияние на состояние безопасности личности, важно понять, как связаны между собой принципиально разноплановые понятия — религиозная традиция и экстремистские методы, используемые радикальными силами для маскировки своих истинных политических целей. Сам по себе мир ислама не агрессивен, и это доказывает мирное сосуществование ислама и христианства в России и странах Центральной Азии. Специалисты-исламоведы утверждают, что религиозный экстремизм, носящий протестный характер, появился в России и СНГ как следствие социально-экономического и политического кризиса, той общественной трансформации, которая позволила фундаменталистам подавить волю и привести в движение наиболее социально незащищенную, но весьма значительную по численности часть населения, чему способствовали и начавшие массовые миграционные процессы. В отдельных регионах с компактным проживанием российских мусульман (особенно на Северном Кавказе) процессы радикализации ислама приобрели значительную остроту [8, с. 18].

Крайне важным нам представляется положение о том, что религиозный экстремизм не обязательно сопряжен с ухудшением социально-экономического положения верующих и сочувствующих им. Нередко религиозный фанатизм подпитывается исключительно верой его носителя в справедливость защищаемой идеи. Абсолютная вера дает своему носителю мощный импульс к действиям: ее реализация воспринимается фанатиком как миссия, при выполнении которой оправданы любые средства. Идеи как таковые привлекают в стан экстремистов представителей

самых разных социальных слоев. Некоторые из фанатичных приверженцев экстремизма видят свою задачу не только в прямом, но и в косвенном участии в борьбе за торжество идеологии, осуществляя финансовую, правовую, организационную поддержку действий экстремистов.

Традиционные для россиян, понятные и привлекательные ценности и ориентиры (социальной справедливости, защиты униженных и обездоленных) и те институты гражданского общества, которые способствуют их формированию, создают, в определенной степени, благодатную почву для деятельности религиозных экстремистов, активно манипулирующих сознанием людей с неудовлетворенными духовными потребностями. Потенциальными жертвами манипуляции становятся люди, не удовлетворенные условиями личной и социальной жизни, находящиеся в трудных жизненных обстоятельствах, пребывающие в состоянии вынужденного одиночества. Определенные черты характера и особенности психики, такие как склонность к мистицизму, виктимность, душевная и психическая неустойчивость, у молодежи — мировоззренческая незрелость, недостаточность жизненного опыта, — также делают людей потенциальными жертвами фундаменталистской пропаганды, поскольку, как отмечают психологи, некоторым людям «привычнее и легче видеть причину своего дискомфорта в чем-то внешнем, обличать окружающих и стремиться изменить своего ближнего», нежели «искать корень всех проблем внутри себя <...> разрешать жизненные конфликты исключительно путем самосовершенствования» [9].

Религиозные экстремисты-вербовщики профессионально используют психологические механизмы

манипулирования сознанием, поддерживая на начальной стадии манипулятивного воздействия эмоциональный комфорт, причастность к чему-то лично и социально значимому, ощущение уверенности в своих силах и т. д., что ведет к изменению стиля мышления, а в целом — к изменению картины мира. В общем результате нередко происходит радикальная трансформация личности, попавшей под влияние экстремистов: помимо психологических изменений (сдвиги в Я-концепции, в аффективной сфере, появление безразличия к ранее близким людям, окружающим, повышенная возбудимость и т. д.) наступает общее социально значимое изменение личности. Личность реагирует на окружающий мир, действует на основе новых ценностных ориентаций, меняющих жизненные цели и весь смысл жизни.

Особо опасна пропагандистская работа профессионалов-вербовщиков в деле подготовки «смертников» — людей, добровольно идущих на смерть во имя борьбы с «неверными». Основой идеологии смертников является понятие мученика, принимающего смерть за веру. Оно есть в иудействе («кадош»), в христианстве («мученик»), в исламе («шахид»). Исламский экстремизм переосмысливает традиционное для этих религий широкое понятие мученичества, подменяя исконное понятие «большого джихада» (*духовной борьбы* с собственными или общественными пороками, социальной несправедливостью и т. д.) содержанием понятия «малого джихада» («газават» — *вооруженная борьба*). Как показывают социологические исследования, сегодня 97 % верующих понимают джихад как священную войну и религиозный долг правоверных и только 3 % — как борьбу за собственную моральную чистоту [10].

Незнание положений шариата теми, кто попал в поле зрения вербовщиков, с одной стороны, и идеологизированное и политизированное его искажение последними, с другой, являются факторами распространения фундаменталистского понимания «джихада». Идеология фундаментализма искажает такие положения Корана, как обязанность каждого мусульманина беречь свою жизнь и жизнь других людей, заставляет людей забыть, что лишение человека жизни в исламе — второй по тяжести грех после ширка³. «Шахидам» внушается, что террорист-самоубийца совершает угодное Аллаху дело и обязательно попадает в рай.

Здесь, разумеется, есть явное несоответствие: сами салафитские толкователи Корана утверждают, что самоубийца-террорист не является мучеником — для него уготован Адский огонь. Тем не менее вербовщики «упрощают» текст, подменяя догматы веры и трактуя Коран совсем по-другому: истинный «шахид» только тот, кто воюет с неверными и этим прославляет Аллаха. На самом деле происходит обман верующих и подмена одной из основополагающих религиозных основ — мученического служения — идеей массового убийства и самоубийства.

Таким образом, для современного общества проблемы экстремизма в религиозной сфере носят исключительно актуальный характер. Религиозные экстремистские организации неоднородны по своему составу, могут включать представителей различных религий, объединенных общей деструктивной

³ Ширк — приобщение Господу сотоварищей, уподобление кого-либо или чего-либо Аллаху, наделение человека или предмета сверхъестественной силой, их обожествление (в христианстве ширку соответствует первая из десяти библейских заповедей: «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»).

идеологией крайних форм насилия, что самым серьезным образом угрожает политической безопасности личности и всего социума.

В современных условиях наибольшее развитие религиозный экстремизм получил в политической теории и практике радикального исламского фундаментализма, делящего мир на две части — «истинную» и «неистинную» («неверную») — и попирающего все нормы человеческого общежития, права и морали. Его основные идеи сводятся к нескольким постулатам: беспредельной верности шариату; неприятию иных религий («лжерелигий»); неприятию «неправильного», «неистинного» мусульманского и немусульманского мира; изоляции от западной цивилизации; воссозданию единого мусульманского мира под эгидой всемирного исламского теологического государства.

Анализ пропагандистских практик религиозного экстремизма приводит нас к выводу, что профилактика его экспансии должна быть ориентирована на формирование и укрепление толерантной, ответственной и успешной личности, твердо стоящей на позициях гражданственности и патриотизма. Свою активную роль в этом противодействии религиозному экстремизму может сыграть Русская православная церковь. Не случайно в Итоговом документе XXIV Международных Рождественских образовательных чтений «Традиция и новации: культура, общество, личность», состоявшихся 25—27 января 2016 г. в Москве, подчеркивалось: «В современном информационном обществе православное присутствие в социальных медиа обладает значительным миссионерским потенциалом, который необходимо учитывать при реализации всех проектов, касающихся служения Церкви. Участники Чтений призывают

клириков и прихожан, активно присутствующих в социальных сетях, действовать сообразуясь с высоким званием христианина, являть образец подлинной любви к ближним и уважения к собеседнику» [11]. Однако усилий церкви не может быть достаточно. Государство, общество и граждане должны совместно противодействовать религиозному экстремизму.

Литература

1. **Назирова Д.** Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Душанбе, 2009. 37 с.
2. **Плужников Е. Н.** Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 34 с.
3. **Пролетенкова С. Е.** Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 59 с.
4. Генсек ООН: На верность ИГИЛ в мире присягнули 34 группировки // РСН [электронный ресурс] / Русская служба новостей. 2016. 6 февраля. URL: <http://rusnovosti.ru/posts/407831> (дата обращения: 18.02.2016).
5. **Алексеев И. Л.** Исламский фундаментализм // Религиоведение: энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 424—425.
6. **Соколов Н.** Конвейер смерти: как молодежь попадает в сети «Исламского государства» // Вести: интернет-газета [электронный ресурс]. 2015. 10 июня. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2628266> (дата обращения: 18.03.2016).
7. Путин назвал число россиян, воюющих на стороне ИГИЛ // Обозреватель: интернет-издание [электронный ресурс]. 2015. 16 октября. URL: <http://obozrevatel.com/politics/57486-putin-nazval-chislo-rossiyan-voyuuschih-na-storone-igil.htm> (дата обращения: 10.03.2016).
8. **Захарченко Ю. М.** Религиозно-политический экстремизм и национальная безопасность на Северном Кавказе: монография. М.: Изд-во МГУ, 2006. 150 с.
9. **Митрофан (епископ).** Духовные истоки религиозного экстремизма // Североморская епархия: официальный сайт. 2015. 7 декабря. URL: <http://severeparh.ru/2015/12/07/duxovnye-istoki-religioznogo-ekstremizma/> (дата обращения: 29.01.2016).

10. **Калинин В. Н.** Религия и безопасность (религиозный экстремизм) // Право и безопасность [электрон. версия]. 2002. № 4 (5). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_4_9.htm (дата обращения: 18.03.2016).

11. Итоговый документ XXIV Международных Рождественских чтений // Екатеринбургская епархия [электронный ресурс]. 2016. 28 января. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/news/2016/01/28/12101/> (дата обращения: 29.01.2016).

Завальнев Вячеслав Игоревич — аспирант Московского государственного областного университета.

E-mail: magfinance@yandex.ru